

28 января (10 февраля)

Преподобноисповедник
Леонтий (Стасевич)

Преподобноисповедник Леонтий родился 20 марта 1884 года в посаде Тарноград Белгорайского уезда Люблинской губернии в благочестивой крестьянской семье Фомы и Екатерины Стасевичей и в крещении был наречен Львом. У родителей он был единственным ребенком, и родился, когда отцу было сорок четыре года, а матери тридцать два. Детство Лев провел дома, работая вместе с родителями в крестьянском хозяйстве. Он вспоминал впоследствии, что родительский дом часто посещали странники, которых отец приглашал ночевать. В благодарность за предоставленный приют они пели духовные стихи, повествующие о святых угодниках Божиих, о Святой земле и святых обителях, стихи, которые звали простую душу слушателя к высшему духовному подвигу.

Окончив двухклассное училище и четырехклассную прогимназию в селе Замостье, Лев поступил работать писарем в Тарно-градский суд; в это время ему исполнилось пятнадцать лет. Христианское воспитание, полученное в благочестивой семье, зло мира и страдания людей от этого зла – то, что он увидел, присутствуя на заседаниях суда, – все вместе склонило его к лучшему выбору – служению церковному. Окончив Холмскую Духовную семинарию, Лев Фомич в 1910 году поступил в Яблочинский Онуфриевский монастырь.

История этой обители представляет собой одну из славнейших страниц церковной истории. Это был единственный монастырь в западнорусских землях, который не принял ни католицизма, ни унии. Он сохранил у себя древние святыни, такие как чудотворная икона преподобного Онуфрия Великого. Монастырь издавна славился как миссионерский центр православия. На престольный праздник, память преподобного Онуфрия, в обитель сходилось до двенадцати тысяч человек. Для того, чтобы вместить такое число людей, в 1908 году был построен храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, состоящий почти из одного алтаря. Двери храма выходили на большую поляну перед храмом; во время богослужения они открывались, и храмом становилась вся окружающая местность.

В 1912 году настоятель монастыря архимандрит Серафим (Остроумов) постриг послушника Льва в мантию с именем Леонтий, в честь Леонтия, святителя Ростовского, и в том же году он был рукоположен во иеродиакона. В 1913 году иеродиакон Леонтий был рукоположен во иеромонаха и назначен казначеем монастыря, в каковой должности состоял до 1915 года. В монастыре отец Леонтий узнал и полюбил на всю жизнь монастырский устав и истовое богослужение. Для него с юности был высок и совершенен идеал монаха, и в течение всей жизни трудами и терпением он старался достичь его. Впоследствии жизнь его самого стала образцом для иноков.

В 1914 году началась Первая мировая война, Яблочинский монастырь, как находящийся вблизи линии фронта, был эвакуирован в глубь России, и иеромонах Леонтий в 1916 году был определен в Московский Богоявленский монастырь. В том же году он был награжден наперсным крестом. Живя в Москве, он встретил однажды на улице блаженного, и тот сказал ему: «Придет время, тебя поведут по улице и прикладами будут погонять». В 1917 году отец Леонтий поступил в

Московскую Духовную академию, но окончить ее не успел ввиду закрытия академии в 1920 году. В том же году он был возведен в сан игумена.

Преподобноисповедник Леонтий

В 1922 году Патриарх Тихон назначил отца Леонтия настоятелем Спасо-Евфимиевского монастыря в городе Суздале. В это время жизнь монастыря, частью от внутренних, а частью от внешних причин, пришла в расстройство. Богослужение должным образом и по уставу не совершалось, все хозяйственные дела были запущены, часть братии сочувствовала обновленцам. Новый наместник попытался направить жизнь монастыря в должное русло, но столкнулся с упорно враждебным отношением к этим попыткам со стороны братии, которая стала поносить его, оскорбительно обзывать и злословить о нем. Некоторые из братии дошли до того, что пытались избить наместника и принудить его таким образом покинуть монастырь. Разрешилось все иным образом – в 1923 году безбожные власти закрыли обитель, приспособив ее помещения под тюрьму. Отец Леонтий был переведен в храм Смоленской иконы Божией Матери, а затем в храм святителя Иоанна Златоуста в Суздале. В приходском храме отец Леонтий восстановил ежедневное уставное богослужение и ежедневную проповедь, чем привлек сердца многих верующих, которые стали приезжать сюда из самых отдаленных мест Владимирской епархии. В 1924 году Патриарх Тихон возвел отца Леонтия в сан архимандрита.

В 1929 году власти предприняли очередную попытку закрыть храмы в России. Были приняты новые законы, еще более ограничивающие права Русской

Православной Церкви в безбожном государстве, среди прочего был запрещен и колокольный звон; начались массовые аресты священнослужителей и мирян.

«Основанием» к началу преследования в Суздале духовенства и мирян послужило заявление некоего гражданина Петрова, который, перечислив более двух десятков имен православных священнослужителей и мирян, в том числе и архимандрита Леонтия, написал далее, что просит ОГПУ принять соответствующие меры к указанным лицам, которые при благоприятном моменте могут выступить против советской власти. «Архимандрит Стасевич, – писал доноситель, – раньше был бело-тихоновской группировки, теперь же какой-то особой; бывает у него массовое стечение в церкви народа, в особенности монашек, – и вообще суздальской интеллигенции; своими выступлениями в церкви он подрывает авторитет советской власти. Вообще все духовенство, за исключением священника Знаменской церкви (он... принадлежит к обновленческой группировке), принадлежит к бело-тихоновской группировке. Указанную группу часто приходится видеть всех вместе. Необходимо разоблачение таковой»¹.

2 февраля 1930 года дело было принято к производству, и 3 февраля архимандрит Леонтий был арестован и заключен в тюрьму в городе Владимире. «Звон тогда был запрещен, – рассказывал впоследствии отец Леонтий. – А мне... так захотелось Господа прославить звоном. Залез на колокольню и давай звонить. Долго звонил. Спускаюсь с колокольни, а меня уже встречают с наручниками».

13 февраля следователь допросил священника. Отвечая на вопросы, архимандрит Леонтий сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю и поясняю, что ни в какие антисоветские группировки не входил и о существовании таких группировок не слышал. Перечисленных мне в постановлении моих сопроцессников знал, но близкого знакомства с ними не вел. Я сторонюсь от всяких знакомств и живу замкнуто. Ориентации в церковных вопросах я придерживаюсь сергиевской»².

15 февраля следствие было завершено. Оправдывая преследования духовенства и пытаясь представить борьбу против Православной Церкви законной, сотрудники ОГПУ в обвинительном заключении написали: «В городе Суздале на протяжении ряда лет существовала антисоветская церковная группировка, в которой объединились попы, монашество, бывшие люди и торговцы, для большинства которых Церковь являлась не целью, а крепостью, откуда можно обстреливать советский строй и компартию. На основании этих данных было арестовано и привлечено к ответственности 32 человека служителей религиозного культа и церковников из бывших людей города Суздаля»³.

2 марта 1930 года тройка ОГПУ приговорила архимандрита Леонтия к трем годам заключения в концлагерь. Заключение он был отправлен отбывать в Коми область. В лагере отец Леонтий работал фельдшером.

По возвращении из заключения отец Леонтий был направлен служить в храм в селе Бородино Гаврилово-Посадского района Ивановской области.

5 ноября 1935 года архимандрит Леонтий снова был арестован и заключен в тюрьму в городе Иванове. На этот раз его обвиняли в том, что он «входил в состав группы активных церковников “ИПЦ”^{*} и являлся ее вдохновителем. Поддерживал

^{*} Истинно Православная Церковь – название, данное аппаратом ОГПУ для удобства оформления документов на арест православных с последующим заведением на них «дел».

связи с юродствующим элементом, ардатовским старцем Иоанном и выдавал последних за “прозорливцев” и “святых”; втягивал в религиозную деятельность детей школьного и дошкольного возраста путем раздачи последним разного рода подарков; распространял провокационные слухи о кончине мира, пришествии антихриста и падении советской власти»⁴.

Следователь спросил, признает ли себя священник виновным в предъявленных ему обвинениях. Отец Леонтий на это ответил: «Ни по одному пункту предъявленного мне обвинения виновным себя не признаю»⁵.

Священника стали вызывать на очные ставки, спрашивая, согласен ли он с показаниями некоторых свидетельниц. Отец Леонтий на это ответил: «Показания свидетельницы о том, что я, раздавая детям мелкие подарки, вовлекал их в религиозную деятельность, не подтверждаю; не подтверждаю и того, что мною якобы давались советы не вступать в колхозы. Не отрицаю того факта, что я раздавал детям подарки, заключающиеся в перьях, карандашах и деньгах на приобретение учебников, но исключительно с той целью, чтобы отвлечь внимание детей от хулиганских действий и только. Каких-либо других целей я не преследовал»⁶.

Были вызваны другие свидетели, после их показаний следователь, получив дополнительные сведения, вновь допросил архимандрита Леонтия:

– Следствию известно, что семилетняя дочь колхозника, благодаря вашему влиянию, обращалась к вам с просьбой, чтобы вы совершили над ней крещение. Подтверждаете это?

– О том, что семилетняя дочь колхозника, якобы благодаря моему влиянию, обращалась ко мне с просьбой, чтобы я крестил ее, не подтверждаю. Сам же факт просьбы, чтобы я крестил ее, не отрицаю. Действительно, этот случай имел место.

– Расскажите, кому персонально из детей вы раздавали мелкие подарки?

– О том, что мной детям школьникам и дошкольникам раздавались мелкие подарки, как я уже показал, – это имело место, но сказать, кому персонально раздавались подарки, – этого я сказать не могу, не помню.

15 февраля 1936 года Особое Совецание при НКВД СССР приговорило архимандрита Леонтия к трем годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. 22 февраля отец Леонтий с очередным этапом был отправлен в лагерь в Караганду.

В легкие для него периоды времени в заключении отец Леонтий работал фельдшером, в тяжелые – на общих работах. О жизни в заключении отец Леонтий рассказывал впоследствии: «Часто нам не давали по целым ночам спать. Только ляжешь – кричат: “Подъем! На улицу строиться!” А на улице холодно и дождь. И начинают мучить: “Лечь! Встать! Лечь! Встать!” А падаешь прямо в лужу, в грязь. Затем скомандуют отбой, придешь в барак, только начнешь согреться, а они уже опять кричат: “Подъем! Строиться!” И так идет до утра. А утром надо идти на тяжелую работу».

Однажды в пасхальную ночь охранники лагеря потребовали от отца Леонтия, чтобы он отрекся от Бога. Но он отказался это сделать. Тогда его опустили на веревке в выгребную яму. Затем подняли и спросили:

– Отрекаешься?

– Христос воскрес! – ответил исповедник.

Они вновь опустили его в яму и снова подняли, а он в ответ им сказал:

– Христос воскрес, ребята!

Изрядно поиздевавшись над священником, его отпустили, так и не сумев

добиться слов отречения.

Все тюремные скорби отец Леонтий переносил со смирением и кротостью и о том времени говорил: «Я в раю был, а не в тюрьме».

Когда отцу Леонтию жаловались на скорби, он говорил: «Это еще не страдание. А вот то, как мы, бывало, в тюрьме откушаем, а нас выведут, поставят в ряд и говорят: “Сейчас будем расстреливать!” Прицелятся, попугают, а потом опять в барак гонят».

В 1938 году закончился срок заключения, и отец Леонтий вернулся в Суздадь. Жил он то в Суздаде, то в селах и небольших городках у своих духовных детей, совершая в их домах богослужения. К этому времени большинство храмов было закрыто, служить стало негде, почти все священники были арестованы. В 1944 году советское правительство из тактических соображений внешне изменило свое отношение к Церкви, не изменив его по существу. Оголтелая, безбожная пропаганда затихла, но власти, как и прежде, собирали сведения для ареста священнослужителей, собирались такие сведения и об архимандрите Леонтии.

Был допрошен один из священников, живший неподалеку от Гаврилова Посада. Он показал, что архимандрит Леонтий обвинял современное священство в том, что оно работает не для укрепления православной веры и Церкви, а в угоду большевикам, и что он, как истинный пастырь, никогда этого делать не будет, какая бы ему опасность ни угрожала. «Архимандрит Леонтий говорил, что современное духовенство – шпионы и агенты НКВД, волки в овечьей шкуре. В 1943 году на праздник Троицы архимандрит Леонтий, разговаривая с церковницей относительно открытия храмов, сказал: “Прежде чем говорить об открытии церковью вновь, надо товарищам коммунистам вывезти из церковей навоз; только благодаря коммунистам произошло такое осквернение храмов. Сейчас они под давлением союзников хотят исправить и сгладить свою ошибку, но все равно это не надолго. Большевики будут допускать некоторое послабление до тех пор, пока им это выгодно, а потом опять нажмут”»⁷.

В июне 1947 года епископ Ивановский и Кинешемский Михаил (Постников) назначил архимандрита Леонтия настоятелем храма Живоначальной Троицы в селе Воронцово Пучежского района. Спустя некоторое время отец Леонтий был назначен благочинным храмов Пучежского района, которых было тогда на весь район четыре. В это время власти несколько изменили форму преследований Русской Православной Церкви, и если раньше храмы повсеместно закрывались, а духовенство арестовывалось, то теперь, хотя храмы по-прежнему закрывались и духовенство арестовывалось, большее значение стало придаваться, как это уже было в двадцатых годах, экономическому давлению, когда приходы облагались заведомо неуплатными налогами, превышающими доходы храма. Кроме того, власти стали требовать, чтобы храмы и священники в обязательном порядке подписывались на государственные займы.

Описывая экономическое положение дел прихода в письме к епископу Ивановскому и Кинешемскому Венедикту (Полякову), архимандрит Леонтий сообщал, что в результате поездок в Пучежский райфинотдел ему удалось выяснить, каким образом насчитывались такие налоги: к положенным 65% налога райфинотдел добавлял суммы за аренду священниками квартиры или дома и отдельно за то, что они этими квартирами пользуются.

Несмотря на жесткое давление властей, приходская жизнь в Воронцово постепенно налаживалась, был отремонтирован храм, вокруг которого стал

складываться крепкий приход, собравший многих ревнителей благочестия, так как это был единственный в области храм, где совершалось ежедневное богослужение. Кроме того, отец Леонтий совершал в Троицком храме службу по монастырскому уставу. Для людей, еще помнящих, как служили в некоторых монастырях до революции, истосковавшихся по монастырскому богослужению, она стала большим утешением. Властям, однако, не понравилось оживление церковной и духовной жизни в селе, и они приняли решение об аресте священника. Отец Леонтий почувствовал, что снова близятся узы, и за три дня до ареста стал раздавать духовным детям и прихожанам имущество, включая келейные иконы, раздавать и рассылать переводами деньги.

Архимандрит Леонтий был арестован 2 мая 1950 года в 11 часов утра после литургии и вечером допрошен. На допросах он показал редкостное мужество и благородство. Благодаря смирению и кротости, дарованным ему Господом ради исповеднического подвига и пастырской ревности, а также и тому опыту, который он приобрел в юности, работая писарем в суде, он держался непоколебимо и твердо, без внутреннего смущения и растерянности, которые переживал больше следователь, чем исповедник.

После очередного допроса 4 мая архимандрит Леонтий был доставлен во внутреннюю тюрьму МГБ в Иваново, и с этого времени допросы продолжались почти без перерыва в течение трех месяцев. Во время обыска в доме священника в Воронцове сотрудники МГБ нашли семь церковных книг, и среди них Библию, Часослов, Канонник, а также тридцать листов переписки. По детальном рассмотрении, ни в книгах, ни в переписке не нашлось ничего преступного, но, чтобы не отдавать книг арестованному священнику, все было сожжено. В тех же числах были арестованы три наиболее близкие к отцу Леонтию духовные дочери: Ольга Кряжева, Екатерина Романова и Агриппина Дмитриева.

– Вы арестованы за антисоветскую деятельность, – объявил священнику следователь. – Расскажите об этом.

– Антисоветской деятельностью я не занимался и показать об этом ничего не могу.

– Неправда. Следствием доказано, что вы, находясь на свободе, группировали вокруг себя антисоветски настроенных лиц из числа церковников и проводили антисоветскую агитацию.

– Я не проводил антисоветской агитации и в этом не могу признать себя виновным. Среди моих знакомых нет антисоветски настроенных лиц, а поэтому не может быть и речи о группировке. Сам я никогда не имел антисоветских взглядов.

– Следствием допрошен ряд свидетелей, которые приводят конкретные факты ваших антисоветских выпадов.

– Я еще раз заявляю, что не имел антисоветских настроений, а поэтому и не мог заниматься антисоветской деятельностью. Если свидетели показали, что я допускал враждебные выпады против советской власти, то они просто-напросто оклеветали меня. Ни с кем из своих знакомых я не разговаривал на политические темы.

Допрос был закончен глубокой ночью, и на следующее утро отец Леонтий был снова допрошен.

– До сих пор вы не дали следствию правдивых показаний о своей преступной деятельности. Сейчас вы намерены изменить свое поведение и на следствии говорить правду?

– Я не изменю своих показаний на следствии, так как в действительности я не совершал преступлений против существующего политического строя в СССР.

– Лжете! Следствию известно, что вы даже в своих проповедях при богослужениях наряду с религиозными поучениями распространяли провокационные антисоветские измышления.

– Во время богослужения, а также и в разговорах с верующими я никаких провокационных антисоветских слухов не распространял и в этом не виновен.

– Что вы говорили о так называемом «страшном суде» и «кончине мира»?

– О Страшном Суде я читал Евангелие, но сам это место из Писания не истолковывал.

– Неправда! Свидетель Павловский на допросе 21 апреля показал, что вы, извращая Священное Писание и истолковывая его в антисоветском духе, распространяли провокационные измышления о наступающем якобы времени «страшного суда» и гибели советской власти.

– Никогда я не распространял подобных антисоветских измышлений и не извращал Священное Писание в антисоветском направлении. Если действительно об этом показал Павловский, то он оклеветал меня.

– Чем же вы можете обосновать свое заявление, что Павловский вас оклеветал?

– Только предположением, что он намерен занять мое место для службы в церкви.

– Это только ваше предположение, причем ничем не обоснованное. К тому же на допросе 8 мая вы показали, что с Павловским находитесь в хороших взаимоотношениях и не замечали с его стороны неприязненного отношения к вам. Почему же сейчас вы пытаетесь утверждать, что он оклеветал вас?

– Я и сейчас подтверждаю, что со стороны Павловского не замечал зла по отношению ко мне. Наши взаимоотношения были хорошими. Это предположение, которое я высказал, возникло у меня только после того, как я познакомился с его показаниями, которые являются ложными.

16 мая следователь ознакомил отца Леонтия с постановлением о предъявлении ему обвинения, в котором было написано, что священник «изобличается в том, что, будучи враждебно настроен к существующему в СССР политическому строю, прикрываясь службой в церкви, группировал вокруг себя антисоветски настроенных лиц из числа церковников, проводил антисоветскую агитацию»⁸.

– Сейчас вы ознакомились с постановлением о привлечении вас к уголовной ответственности. Понятна ли вам сущность обвинения?

– Содержание обвинения мне понятно.

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном обвинении?

– В предъявленном обвинении я не признаю себя виновным. Я никогда не был враждебно настроен к советской власти, не занимался антисоветской деятельностью. Я считаю, что в церкви я служил честно, не группировал вокруг себя антисоветски настроенных лиц и даже не встречал таких людей среди своих знакомых верующих.

– Вам было известно, что в церковной сторожке систематически собирались ваши поклонники?

– Мне было известно, что иногда, и особенно в зимнее время, в церковной сторожке оставались на ночлег верующие, которые приходили на богослужения из отдаленных населенных пунктов.

– Вам было известно, что Кряжева систематически среди этих лиц проводила антисоветскую агитацию?

– Нет, этого мне не было известно.

– Скажите, в каких личных взаимоотношениях вы находитесь с Кряжевой?

– Кряжеву я считаю истинно верующей, она у меня поет на клиросе, за что я помогаю ей материально.

– Какие меры вами принимались для обработки в религиозном направлении тех, кто не посещает церковь или посещает ее не регулярно?

– Вне церкви я никакой работы не проводил. Правда, в своих проповедях во время богослужения я призывал посещающих церковь беззаветно верить в Бога, исполнять заповеди, регулярно посещать храм. Службы я совершал полностью, так как я служил раньше в монастыре.

– С какой же целью при богослужениях вы высказываете провокационные антисоветские измышления?

– Никаких провокационных измышлений я не допускал. Я лишь призывал верующих готовить себя к загробной жизни, чтобы избегали грехов и исполняли заповеди Божии.

На следующем допросе следователь поднял новую тему, считая, что собрал достаточно показаний свидетелей, чтобы обвинить священника в нарушении советских законов, хотя и знал, что эти свидетельства являются результатом обмана им людей, не искушенных в лукавстве.

– Вы знакомы с сыном Кряжевой Виталием?

– Да, Виталия я знаю.

– Когда и при каких обстоятельствах вы с ним познакомились?

– Виталия я встречал только один раз. Летом 1948 года он приходил вместе с матерью в церковь. В помещении церкви его мать подвела Виталия ко мне и познакомила.

– О чем вы с ним разговаривали при этой встрече?

– Я сейчас не помню, о чем мы разговаривали с Виталием, но тогда я узнал, что он является студентом высшего учебного заведения. Разговаривали мы с ним не более пяти минут после окончания богослужения.

– Вы исповедовали Виталия Кряжева?

– Нет, я его не исповедовал. Он приходил в церковь просто поинтересоваться, а не с целью принять участие в богослужении.

– Ольга Кряжева на следствии показала, что ее сын принимал участие в богослужении и исповедовался у вас. Кроме того, из ее показаний известно, что вы с ним длительное время беседовали, уединившись в церковной ограде. Зачем вы это скрываете?

– Это неправда. Виталий не исповедовался, и я с ним не беседовал длительного времени. Наш разговор с ним протекал на протяжении не более пяти минут. Я не уединялся с Виталием в церковной ограде.

– Вам оглашаются показания Виталия Кряжева, где он рассказал о содержании вашего разговора с ним. Вы пытались склонить его к религии! После этого вы намерены говорить правду?

– Он также показал неправду. Я не пытался его склонить к вере и по вопросам религии с ним не разговаривал.

– Чем же вы можете обосновать свое утверждение, что Ольга Кряжева и Виталий Кряжев дали ложные показания?

– Это свое заявление я ничем не могу обосновать и не могу объяснить,

почему Кряжевы дали на меня ложные показания.

– Проживая в селе Воронцове, с детьми школьного возраста вы общались?

– Некоторые из верующих приводили своих детей в церковь, и мне случалось причащать их. При этом я поучал их быть вежливыми со старшими, хорошо учиться, слушаться родителей.

– Верующие по вашему требованию водили детей в церковь?

– Я не требовал, чтобы верующие водили своих детей в церковь.

– Следствию известно, что вы сами привлекали школьников на свою сторону путем различных подарков. Расскажите об этом.

– Я не привлекал детей на свою сторону и никогда не вмешивался в дела школы.

– Вам приходилось крестить взрослых детей?

– Мне приходилось крестить взрослых детей примерно в возрасте до двенадцати лет, меня просили об этом верующие, и я не отказывал.

– Следовательно, верующие стали крестить взрослых детей в результате вашей широкой религиозной пропаганды?

– Я не требовал от верующих крестить своих детей. Я занимаюсь лишь богослужением в церкви и не имел цели обрабатывать в религиозном духе тех, кто не желает посещать церковь.

– Вам уже известно, что ваша преступная деятельность следствием вполне доказана. Намерены ли вы вести себя честно на следствии?

– Я не занимался преступной деятельностью, а поэтому не могу изменить своих показаний на следствии.

– Но вам приводились свидетельские показания, которыми вы изобличаетесь в проводимой антисоветской деятельности. Эти показания вы не можете ничем опровергнуть и только голословно отрицаете свои преступные действия. Вам еще раз предлагается отвечать правду на поставленные вопросы.

– Я уже говорил, что свидетели дали на меня вымышленные показания.

– На прошлых допросах вы скрыли ряд своих последователей, с которыми поддерживали близкие связи. Назовите их.

– Близких связей я не поддерживал ни с кем.

– А материальную помощь вы оказывали Дмитриевым?

– Нет, я не помогал им в материальном отношении.

– Вам предъявляется официальный документ, свидетельствующий о том, что за 1948–1949 годы вами выслано в адрес Дмитриевых семь денежных переводов на сумму тысяча тридцать рублей. Теперь вы намерены говорить правду?

– Я действительно пытался скрыть от следствия, что систематически оказывал материальную помощь сестрам Агриппине и Евдокии Дмитриевым, им я почти регулярно высылал денежные переводы в порядке материальной помощи.

– С какой же целью вы пытались скрыть свои связи с Дмитриевыми?

– Это является моей духовной тайной.

– Что это за духовная тайна? Отвечайте по существу, почему вы пытались скрыть свои связи с Дмитриевыми?

– На этот вопрос я отвечать не намерен, так как уже показал, что это моя духовная тайна, о которой я говорить не считаю нужным по своим религиозным убеждениям.

– Вы просто уклоняетесь от прямого ответа, потому что ваша так называемая

«духовная тайна», которой вы прикрываетесь, состоит в том, что вы занимаетесь антисоветской деятельностью. Почему вы избегаете прямо заявить об этом?

– Я уже показывал ранее, что антисоветской деятельностью я не занимаюсь.

– На прошлом допросе вы показали, что являетесь сторонником так называемой истинно православной веры. В чем заключается сущность этой веры?

– Я считаю истинно православным верующим того, кто не отступает от Божьего Писания, беззаветно предан вере и не искажает церковного богослужения. К этому числу отношусь и я. Лично я всеми силами стараюсь исполнять богослужение полностью, как оно совершалось, например, в дореволюционных монастырях. Служба в церкви должна быть ежедневной, и этого я строго придерживался. Я считаю, что священник должен быть прежде всего монахом, полностью отдавшимся вере, а поэтому я вел монашеский образ жизни. Тех священников, которые проводят богослужение не ежедневно, сокращают его, предаются мирским соблазнам, я считаю отступившими от православной веры.

– Следовательно, вы и группировали вокруг себя лиц из числа поклонников этого направления?

– Я не группировал вокруг себя никого из верующих, но поддерживал близкие знакомства с последователями истинно православной веры.

– Каким образом вы проповедовали это направление в религии?

– Я не задавался целью проповедовать это направление. Я лишь сам старался придерживаться истинно православной веры, и это заключалось в том, что я аккуратно и ежедневно совершал богослужение, не сокращал его и призывал прихожан беззаветно верить в Бога.

– Как вы относитесь к тем священникам действующих церквей, которые, как вы показали, «отстают от веры»?

– Лично я не имел никаких претензий к таким священникам, поскольку считаю, что они сами должны следить за сохранением в чистоте веры.

– На прошлом допросе вы показали, что круг ваших близких знакомых состоит из последователей так называемой «истинно православной церкви». Что вас сближало с этими лицами?

– Нас сближали прежде всего религиозные убеждения.

– Наряду с религиозными убеждениями вас сближали и политические взгляды?

– Нет. Политическими взглядами этих лиц я не интересовался. Я знал только одно, что они настроены к советской власти положительно.

– Тогда почему же вы скрывали свои связи с Романовой и Дмитриевой и, находясь на свободе, всячески маскировались, поддерживая связь с ними?

– На этот вопрос я не могу ответить.

– Но вы считаете, что политика советского правительства якобы направлена на уничтожение религии, которую вы стремитесь «держать в чистоте». В таком случае как же вы можете утверждать, что лояльно относитесь к советской власти?

– На этот вопрос я могу ответить тем же ответом, – что никогда не был настроен антисоветски.

– С какой целью вы принимали в своей келье детей и раздавали им подарки?

– Дети бывали в моей келье, и я иногда давал им деньги, но не с целью привлечь их на свою сторону и склонить к религии.

Следователь, видя, что, несмотря на все его ухищрения, ему не удается

склонить к самоговору священника, стал допрашивать заключенных, находившихся в одной камере с архимандритом Леонтием. И после этого снова вызвал на допрос священника.

– Будучи арестованным и находясь в камере, вы не стеснялись высказывать свои антисоветские настроения. Что же вы делали на свободе?

– На свободе я занимался богослужением, а будучи арестованным, я не разговаривал ни с кем на политические темы.

– В разговорах со своими сокамерниками вы излагали свои религиозные взгляды?

– В разговорах со своими сокамерниками я рассказывал, что служил священником, старался хранить православную веру в чистоте и поучал своих прихожан исполнять все православные обычаи.

– А вы рассказывали о том, что занимались обработкой молодежи и детей в религиозном направлении?

– Я этого не рассказывал, и этого не было в действительности. Я никого не склонял к вере из молодежи или детей.

– Вы же об этом сами рассказывали в камере. Вам зачитывается часть показаний одного из свидетелей, с которым вы долгое время содержались в одной камере и которому рассказывали о своих преступных действиях.

– Эти показания неправдивы. В камере я не рассказывал, что привлекал школьников к церкви, так как этого не было в действительности.

– Этот же свидетель показывает, что в разговоре с ним в камере вы высказывали враждебные взгляды на советскую действительность. Говорите правду!

– Никаких антисоветских настроений, будучи в камере, я не высказывал.

– Вы показываете, что не высказывали в камере антисоветских взглядов, но это подтверждается показаниями другого свидетеля. Сейчас вам ясно, что ваши запирательства нецелесообразны?

– Я еще раз заявляю, что никаких антисоветских настроений не высказывал, находясь в камере тюрьмы. Свидетели меня оклеветали. Их показания я не могу признать, так как они неправдивы.

– Чем же вы объясните, что оба свидетеля показывают об одном и том же факте вашего антисоветского выпада?

– На этот вопрос я ответить не могу.

– Ранее вы показывали, что являетесь сторонником так называемой «истинно православной церкви». Расскажите более подробно, что из себя представляет это религиозное направление и чем оно отличается от позиций действующей современной церкви?

– У меня, как истинно православного священника, нет принципиальных разногласий с духовенством современных действующих церквей. Как я уже показывал ранее, я не согласен только с тем, что большинство современных священников отступают от православия. Современные священники непристойно ведут себя в миру, поддаются мирским соблазнам, грешат, а подчас в миру скрывают, что они священники, и не носят в миру духовного одеяния. Богослужение такие священники совершают не ежедневно, а подчас только один-два раза в неделю или по праздникам. Церковные службы сокращают. Все это я считаю отступлением от веры и большим грехом для любого священнослужителя. Я же, как истинно православный священник, веду монашеский образ жизни, служу только Богу и веру стараюсь сохранить в чистоте. Службу в своей церкви

я совершаю ежедневно... Служу по старому монастырскому уставу, церковные службы не сокращаю. Как истинно православный священник, я считаю первым своим долгом призывать своих прихожан к сохранению веры в чистоте и избежанию грехов. Это я делал с помощью проповедей и личных поучений.

– Вы оппозиционно держитесь к действующей церкви только потому, что она лояльно относится к существующему в СССР политическому строю!

– Я уже показывал, что я к советской власти отношусь лояльно, а поэтому мои противоречия с современными священниками возникают не по этой причине. Они происходят только на почве духовных вопросов. Я выше показал, что некоторые священники извращают религиозные верования, попадая под влияние коммунистических идей и вообще под влияние современного уклада жизни. Я считаю, что священник должен быть самостоятелен, служить Богу.

– Что вы понимаете под самостоятельностью?

– Священник не должен подпадать под влияние неверующих лиц и богохулия. Одновременно священник не должен враждебно относиться к власти, какая бы она ни была, – я так считаю.

– Что вы называете «влиянием коммунистических идей», как вы выразились?

– Известно, что коммунисты не признают религию, в своих практических действиях исходят из материалистических позиций. Убеждения священнослужителя должны быть противоположны в этом отношении. Поэтому я считаю, что, если коммунист попадет под влияние религии, он уже не будет настоящим коммунистом, и тем более если священник попадет под влияние коммунистов, под влияние материалистических убеждений, он уже не будет священнослужителем. Несмотря на это, я к коммунистам отношусь не враждебно, но только осознаю, что у нас разные пути, разные убеждения и ничего общего нет.

– С какой целью вы группировали вокруг себя антисоветски настроенных лиц?

– Я не группировал антисоветски настроенных лиц. Я просто имел близких знакомых из числа последователей истинно православной церкви, которых считал своими духовными дочерьми. Это люди беззаветно верующие, почитающие религию, только это и является причиной нашего сближения. Никто из них не занимался антисоветской деятельностью, и я их не поучаю этому.

– Но почему вы, находясь на свободе, маскировались, поддерживая с ними связь, и, будучи арестованным, долгое время скрывали это, признались только после того, как были уличены неопровержимыми документами?

– Это была моя духовная тайна.

– Вы заявили, что никто из ваших так называемых «духовных дочерей» не занимался антисоветской деятельностью. Все они признались, что проводили антисоветскую агитацию. Объясните, почему же все ваши последователи настроены враждебно к существующему в СССР политическому строю?

– Я не ручаюсь за их политические взгляды, но и не ожидал, что они настроены антисоветски, и тем более проводили антисоветскую агитацию.

– Вам хорошо было известно, что все эти лица, так же как и вы, враждебно относятся к существующему в СССР политическому строю.

– Лично я не имею антисоветских настроений, а за своих последователей я не ручаюсь. Если они признались, значит, они считают себя виновными перед советской властью, а я не совершал преступлений и не могу себя признать в этом

виновным.

– Вы не ответили на вопрос. Было ли вам известно об антисоветской деятельности ваших последователей?

– Я уже говорил, что не знал, что они распространяют антисоветские настроения.

1 августа 1950 года следователь провел очную ставку между архимандритом Леонтием и арестованной его духовной дочерью Ольгой Кряжевой.

– Расскажите сейчас в присутствии Стасевича, что вам известно о его образе жизни и занятиях, – потребовал следователь.

– Стасевич с 1947 года служит священником воронцовской церкви, где я и познакомилась с ним. Стасевич живет в келье при церкви, которую он оборудовал для себя, ведет монашеский образ жизни. Церковную службу Стасевич ведет аккуратно и ежедневно. Его служба отличается от службы в других церквях тем, что он ее не сокращает. Кроме того, после каждого богослужения говорит проповеди.

– Что из себя представляли проповеди Стасевича?

– В своих проповедях Стасевич всегда призывал верующих к спасению души, требовал, чтобы прихожане исполняли все религиозные обычаи. Требовал, чтобы некрещеные окрестились, невенчанные – обвенчались. Настаивая на этом, Стасевич говорил, что якобы скоро будет кончина мира и Страшный Суд, что Священное Писание сбывается, а поэтому надо готовить себя к этому.

– Вы подтверждаете показания Кряжевой?

– Кряжева правильно показала только то, что я веду монашеский образ жизни, ежедневно совершаю богослужение, церковные службы не сокращаю... Уставному богослужению и исполнению всех религиозных правил меня обязывают мои духовно-религиозные убеждения как истинно православного священника. Я не могу извратить веру или встать на неправильный путь, отступить от Православной Церкви. То, что я будто бы в своих проповедях распространял провокационные антисоветские измышления, это неправда. В своих проповедях я призывал верующих беззаветно верить в Бога, хранить веру в чистоте, избегать грехов и готовить себя к загробной жизни.

– Расскажите, Кряжева, о встрече вашего сына Виталия со Стасевичем.

– Летом 1948 года я склонила своего сына посетить в церкви отца Леонтия. До начала службы я познакомила своего сына Виталия с отцом Леонтием, который с ним уединился и около часа беседовал в церковной ограде. В этот раз Виталий исповедовался у отца Леонтия и причащался. Я склонила своего сына к посещению церкви, исполняя наставления Стасевича, которые он делал в своих проповедях, требуя прививать веру в Бога своим детям.

– Вы подтверждаете показания Кряжевой?

– Я не помню этого случая. Возможно, я и разговаривал с ее сыном в ограде. Исповедовал ли я Виталия, также не помню. Я не могу отрицать показания Кряжевой по этому вопросу и думаю, что они правдивы. Подтвердить их я также не могу, так как этих фактов не помню.

17 августа 1950 года следствие было закончено, и управление МГБ по Ивановской области потребовало для всех обвиняемых десять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. В тот же день следователь выписал постановление о направлении в лагерь, в котором он, в частности, написал: «Учитывая характер совершенного преступления, Стасевича Льва Фомича (он же архимандрит отец Леонтий) после осуждения направить для отбытия меры

наказания в особые лагеря МВД СССР»⁹.

25 октября 1950 года архимандрит Леонтий был приговорен к десяти годам заключения и отправлен в исправительно-трудовой лагерь в город Братск Иркутской области.

В середине пятидесятых годов, в связи со смертью Сталина и выпущенным после этого указом об амнистии, стали действовать комиссии по пересмотру дел осужденных по политическим статьям. 28 марта 1955 года такая комиссия приняла решение снизить меру наказания архимандриту Леонтию до пяти лет, а так как он этот срок уже отбыл, то «из-под стражи освободить и считать не имеющим судимости по настоящему делу»¹⁰.

30 апреля 1955 года архимандрит Леонтий был освобожден из лагеря. Священнику исполнился семьдесят один год. Главным его желанием было вернуться к служению в храме. Архимандрит Леонтий хотел служить в Воронцове, но это оказалось невозможным, так как настоятель храма встретил его недоброжелательно и пригрозил: если тот будет настаивать на своем желании служить здесь, он устроит ему еще один арест.

Архимандрит Леонтий уехал в Иваново и через месяц, 20 июля 1955 года, архиепископ Ивановский и Кинешемский Венедикт назначил его настоятелем храма Михаила Архангела в село Михайловское Середского * района. В то время за малым числом храмов церковь в селе Михайловском окормляла верующих районного города с общим числом жителей тридцать тысяч человек, а также верующих двадцати четырех сел. Получив от архиерея назначение, отец Леонтий сразу же отправился в Михайловское, но служивший здесь священник не пустил его в дом, где жил сам, и архимандриту пришлось поселиться в холодной, без печи избе. Он терпел это со смирением и кротостью, и если спрашивали об обстоятельствах его жизни, то говорил, что живет в раю, – такое в нем было смирение, благодарение, осознание своего вящего недостойнства; всё получаемое от Господа он принимал как великое благо, в чем бы оно ни выражалось: были ли это скорби или радости, безразлично.

В Михайловском отец Леонтий нес все тогдашние трудности пастырского служения: приход был большой, села и город располагались в расстоянии до десяти километров, и ему приходилось их обходить пешком. В храме он служил ежедневно, а в промежутках между службами посещал с требами многочисленных прихожан – соборовал, исповедовал и причащал. Прихожане вскоре полюбили подвижника. Гонение на Церковь в то время еще продолжалось, и, как часто бывает, гонители пользовались, как орудием для разрушения мира церковного, страстями самих же людей. Некоторые стали жаловаться уполномоченному по делам Русской Православной Церкви и в епархиальное управление, что отец Леонтий приходит в город и принимает заказы на исполнение треб и в тот же день их исполняет, а между тем должен бы зайти сначала в храм и зарегистрировать заказ и уже на следующий день его исполнять. Пришлось отцу Леонтию принимать заказы в городе, затем идти пешком оформлять их в Михайловское, а затем в тот же день снова идти в город для исполнения. Для отца Леонтия в его возрасте такие путешествия превращались в подвиг. Но у него хватало времени и сил, дарованных ему от Господа на все, и он не только успевал исполнять пастырские свои обязанности, но и добился разрешения у властей на ремонт храма, что было в то время

* Ныне Фурмановского района.

непросто, а затем и отремонтировал его.

Некоторых раздражала требовательность священника в вопросах благочестия и бескомпромиссность в вопросах веры, и они стали посылать архиерею анонимные письма с жалобами на него. Отец Леонтий 13 марта 1960 года писал по этому поводу в объяснительной записке: «Треб очень много. Помогите. Ох, как меня ругают, анонимные письма сыплются. Слава Богу за все! Остаюсь очень благодарным за все. А может, кто хочет на курорт, то его к нам. У нас все готово – работы хватит».

В конце пятидесятых годов в село Михайловское был назначен священник, который возымел желание стать настоятелем и поэтому отнесся к отцу Леонтию крайне недоброжелательно, так что число анонимных писем сразу же резко увеличилось. В 1960 году анонимные письма в епархиальное управление с клеветническими доносами на старца стали поступать ежемесячно. Однажды пришло письмо с указанием фамилий и адресов его подателей, но когда их проверили, оказалось, что такие люди по этим адресам не живут. На каждый анонимный донос архимандриту Леонтию приходилось писать объяснение. 30 января 1960 года отец Леонтий писал в объяснении: «Слава Господу Богу! Жил и живу с братьями в мире, всем и всеми доволен. Господь им судья! Жалоба не отвечает истине. Я не сержусь ни на кого».

В это время его недоброжелатели стали распространять слухи, что отца Леонтия вскоре освободят от должности настоятеля и переведут на другой приход. 10 февраля 1960 года обеспокоенные прихожане направили правящему архиерею письмо, в котором писали: «Наш город был до отца Леонтия, как при Лоте, весь развращен. А теперь по его святой молитве многих Господь обратил на путь истинный. Спаси его Господи, нашего дорогого батюшку, отца Леонтия, как истинного служителя, – никуда его не отпустим. Весь город живет по его святым молитвам. И если у нас его возьмут, тогда мы осиротеем, как овцы, которые остались без пастыря и разбрелись в разные стороны. Просим Вас, дорогой наш отец, Преосвященнейший Владыка, не оставлять нас сиротами; оставьте нам отца Леонтия до самой его смерти».

В 1960 году архимандрит Леонтий был награжден правом служения Божественной литургии с открытыми царскими вратами до Херувимской песни. Однако гонения и скорби не прекращались. Летом 1962 года два священника, служившие с отцом Леонтием, в корыстных целях оклеветали его, обвинив в небрежном отношении к святыне. Архиепископ Ивановский и Кинешемский Иларион (Прохоров), бывший родственником одному из этих священников, не разобравшись в существе дела, запретил архимандрита Леонтия на месяц в священнослужении. Для отца Леонтия, служившего в течение многих лет ежедневно, это стало большой скорбью. «Плачу и рыдаю, – говорил он. – Шило в мешке не утаится, все выйдет наружу, все улетят».

По истечении месяца, когда пришло время приступать к совершению богослужения, архиепископ назначил отца Леонтия в один из дальних и глухих в то время приходов – в Свято-Введенский храм в село Елховку Тейковского района. В Елховке он прослужил год.

Ко времени служения здесь относится случай исцеления одержимой женщины. «Духовно я тогда была неграмотная, – рассказывала она, – не обратилась за советом ни к кому и послушала врага. Шла я один раз на работу и упала нарочно – притворилась, будто я ушибла очень голову и сделалась малоумной. Меня подняли и увезли в больницу – сначала в общую, а поскольку я

нарочно стала говорить не дело, то меня отвезли в психиатрическую больницу. Там я пролежала полтора месяца. Меня выписали и поставили на учет. Мысли меня не покидали – с чего же мне начать подвиг юродства? В то время жила у нас по соседству верующая – Александра. Она знала отца Леонтия как великого прозорливого старца. Она к нам ходила часто и видела, что со мною творится что-то неладное. И позвала она меня поехать к отцу Леонтию, в село Елховку. Приехали к нему... Поклонилась я ему до земли и взяла у него благословение. Посмотрел он на меня и сказал: “Ишь как кланяется, как монахиня”. И сбылись его слова – я сейчас монахиня. А Александра, которая привезла меня, и говорит ему: “Отец Леонтий, вот с ней что-то неладно”. А мне тогда было лет двадцать восемь. Он сказал: “Приходите завтра в церковь. Помолимся”. На другой день встали утром рано и пошли в церковь. Церковь была небольшая, уютная. Только очень было холодно. Во время литургии я стояла напротив царских врат, и когда читали Апостол, я почувствовала взгляд отца Леонтия на себе. Видно, он просил Господа обо мне. И когда стали читать Евангелие, вдруг мне сразу сделалось так плохо, что я не смогла находиться в храме. Я сняла с себя пальто и побежала на улицу... я только успела открыть рот, как из меня выкатился желтый клубок. После этого мне стало так хорошо, что я даже не чувствовала под собой земли, как будто стояла на воздухе. Спокойно вошла в храм, достояла службу и причастилась Святых Христовых Таин. И с тех пор мысли о юродстве не стали появляться».

Паства в Михайловском, однако, не забыла подвижника. Сразу же после его перевода в Елховку прихожане написали архиепископу Илариону в Иваново: «С просьбой умиленной к Вам православные люди села Михайловского. Просим Вас, да не поможет ли Вам Господь прислать драгоценного любимого светильника нашего Леонтия».

Архиепископ Иларион не внял просьбам верующих и не вернул подвижника на место его служения и в 1963 году сам был переведен на другую кафедру, в Сибирь. На его место был назначен епископ Леонид (Лобачев). Ознакомившись с положением дела, он тут же вернул архимандрита Леонтия в село Михайловское.

Вернулся отец Леонтий в Михайловское, когда ему было около восьмидесяти лет. Несмотря на физическую немощь, он всех принимал, исповедовал, беседовал, молился за проходящих. Людей, ехавших к отцу Леонтию, было так много, что иногда из поезда, делавшего остановку на станции Белино, в километре от Михайловского, выходила едва ли не половина всех пассажиров. Чтобы воспрепятствовать людям приезжать к священнику, власти отменили остановку поезда на этой станции.

«Исповедь у него была удивительно плодотворной, очень духовной и очень смиренной, – свидетельствовал архиепископ Ивановский и Кинешемский Амвросий (Щуров), – он никогда не обличал человека в его недостатках, а старался говорить так, чтобы человек не обиделся».

Духовная дочь отца Леонтия рассказывала: «Дает листочек с переписанными грехами, и когда читаем эти грехи, укажет на какой-нибудь грех пальчиком и скажет: “Прочитай-ка еще раз”. Это значит мой грех. А когда человек очень волновался, отец Леонтий говорил: “И у меня это было, и у меня это было”».

Одна женщина поехала к отцу Леонтию на исповедь. «Согрешила я по молодости, – рассказывала она, – на чужого мужчину позарилась. Призналась на исповеди, а батюшка-то свечу взял и поднес к моей руке: “Подержи над огоньком”. Я руку отдернула, обжегшись, а он говорит: “Держи! Держи! В адском

пламени гореть собираешься, а свечки боишься”. Очень это на меня подействовало, бросила я чужого мужчину и честно потом всю свою жизнь с мужем прожила».

Исповедовавшиеся у него вспоминали, что наставления его были хотя и кратки, но очень внятны для вопрошающего, что говорил он их как бы и не от себя, не по рассуждению человеческому, а по наитию Духа Святого. Людей, которые приходили к нему на исповедь, отец Леонтий всегда поминал во время литургии на сугубой ектении.

Проповедовал старец просто и жизненно. Бывало, в проповедях давал людям и практические советы. В одно лето он часто говорил в проповедях: «Бога надо благодарить, что грибов много дал». И призывал народ поусерднее собирать грибы. Некоторые смеялись над старцем и даже жаловались в епархию, что он о таких низких бытовых вещах говорит в храме; однако, действительно, тот год оказался неурожайным, и грибные запасы помогли людям прокормиться зимой.

Ко всем окружающим отец Леонтий относился с большой внимательностью и милосердием. Однажды мимо его дома проходил мальчик. По виду его было ясно, что он чем-то опечален. Отец Леонтий остановил его, расспросил, и выяснилось, что тот не успел к поезду, чтобы продать собранные им ягоды. Священник спросил:

– А что бы ты хотел, чтобы тебе купила мать на вырученные тобою деньги?

– Мне нужна рубашка, – ответил мальчик.

Отец Леонтий купил у него все ягоды, дав ему столько денег, чтобы их хватило на покупку рубашки.

За доброту старца любили и неверующие люди. Когда весной разливалась текущая рядом с селом река, то переправиться через нее можно было только с помощью лодки, и когда перевозчики видели спускающегося с горы к реке отца Леонтия, то они наперебой предлагали ему свои услуги и затем дожидались его возвращения из города, чтобы перевезти назад.

Как и многие старцы, отец Леонтий любил шутку и иносказание. Раз такая шутка помогла ему избавиться от непрошенных гостей, чиновников из райисполкома, приехавших проверить деятельность общины, а заодно и посмотреть на священника, о котором шла слава по всей епархии как о необыкновенном старце. За неделю до этого у него было наготовлено много щей, которые гости не съели, и из-за сильной жары щи прокисли. Их хотели вылить, но старец строго-настрого запретил их выливать, и щи стояли на жаре в коридоре и забродили. Увидев приближающихся к дому чиновников, отец Леонтий взял кастрюлю с прокисшими щами и поставил ее на огонь. По всему дому распространился та кой запах, что члены комиссии, едва войдя в дверь, тут же поспешили уйти и, не заходя в храм, уехали.

Будучи молитвенником, стяжавшим дар постоянной молитвы, отец Леонтий хорошо видел духовный настрой приходящих. Полный храм народа, а отец Леонтий огорченно, бывало, скажет: «В храме-то всего полтора человека». А иногда в храме было всего лишь несколько человек певчих, а он радостно говорил: «Сегодня у нас полный храм людей».

По своему смирению старец ничего о себе не рассказывал, и можно только догадываться о его духовной жизни. Он молился за всех. Каждый день он наизусть прочитывал Псалтирь. Никто не видел, когда он спал. Когда бы ни прийти к нему, он всегда одет и готов ехать на потребу. О тех, кто жил рядом с ним и

трудился, он знал все и ревностно соблюдал единство своей маленькой общины, не допуская в их «семью» любого. Обедал отец Леонтий всегда вместе с народом. Дадут ему поесть одному, а он не станет, идет к людям, и станут они есть из одного блюда попросту. Еще и угощать станет других, говоря: «У нас духовная коммуна». Жил отец Леонтий в крайней бедности. В его келье стояли лишь старая железная кровать, старый стол и несколько табуреток. Денег старец не любил и старался, если они попадали в руки, побыстрее от них избавиться. Зарплату за него получала женщина, которая вела хозяйство, а что попадало к нему в руки, он опускал в церковную кружку, радостно при этом говоря: «Опять я свободен».

Архимандрит Леонтий (Стасевич)

На Пасху 1969 года Патриарх Алексий наградил архимандрита Леонтия вторым наперсным крестом с украшениями. Некоторые стали поговаривать о том, что пора бы отправить отца Леонтия за штат. Находились люди, которые издевались над немощью старца, ставили ему подножки во время каждения храма, роняли на него тяжелые хоругви во время крестного хода. Иные, подходя при отпуске ко кресту, говорили ему: «Когда ты отсюда уйдешь?» Отец Леонтий иногда говорил в проповеди народу: «Люди, что вы меня гоните? Вы же всю ночь спите, а я не сплю, молюсь за вас, чтобы и вы все пошли, куда я пойду». Близким он говорил: «Мне давно рай открыт, но я живу ради вас, чтобы все вы спаслись».

Прихожане обратились к архиепископу Ивановскому и Кинешемскому Феодосию (Погорскому) с просьбой оставить отца Леонтия до его смерти в Михайловском. «Хотя он слаб и немощен, – писали они, – но велика его молитва

перед Богом».

Владыка Феодосий оставил отца Леонтия при храме, но благословил, чтобы службу он совершал со вторым священником. К этому времени по телесной немощи старец уже не мог служить ежедневно, но в храме на молитве бывал каждый день. Когда он шел от дома до храма, то его поддерживали за руки, а сзади несли стульчик, чтобы отец Леонтий, пройдя десяток-другой шагов, мог присесть отдохнуть. Во время богослужения он таким же образом шел на вход с кадиллом или Евангелием. Доходил до царских врат, присаживался напротив них отдохнуть, благословлял вход, а затем шел в алтарь ко престолу. Отец Леонтий до последнего дня был в храме. Он говорил: «Какие часы мы служим, то те наши, а какие не служим, эти не наши».

Когда люди начинали жалеть его и говорить: «Батюшка, ты устал, отдохни». Он отвечал: «Вы меня не жалуете, а губите». А когда говорили: «Батюшка, ты совсем больной», он на это отвечал: «У Бога болезней нет, это грехи наши болят».

Еще при жизни старец сподобился от Господа даров прозорливости и исцеления. Неподалеку от села Михайловского в селе Толпыгино служил в то время архимандрит Амвросий (впоследствии архиепископ Ивановский и Кинешемский). В те годы он часто бывал у отца Леонтия. «Сидели мы однажды за столом, – вспоминал владыка Амвросий. – Все было очень просто. Отец Леонтий кушал и что-то говорил. А у меня тогда была нездоровая печень. И я не придавал значения нашему разговору. Но вдруг отец Леонтий без всякого с моей стороны вопроса сказал: “Многие сейчас жалуются на печень, а проживут долго”. Я эти слова запомнил, а вскоре все болезненные симптомы прошли».

В Михайловском вместе с архимандритом Леонтием служил вторым священником отец Иоанн. Он был груб и вел себя дерзко по отношению к старцу. Люди это видели и просили, чтобы отец Леонтий добился снятия или перевода отца Иоанна. На это отец Леонтий ответил: «Его никто не снимет. Его снимет только отец Амвросий». – «Мне было удивительно это слышать, – вспоминал владыка. – Почему я должен был снять его? Но когда в 1977 году, уже после смерти старца, я волею судеб Божиих стал епископом, мне действительно пришлось снять отца Иоанна с должности. Так отец Леонтий духовным зрением прозревал мой жизненный путь».

Не раз бывало, что отец Леонтий посылал приезжавших к нему священников благословиться у отца Амвросия. Это вызывало недоумение, так как тот был тогда всего лишь молодым архимандритом. Но позже, когда отец Амвросий был возведен в сан епископа, стал понятен смысл этих действий.

Однажды отец Леонтий отправлял знакомого, приезжавшего его навестить священника в город, на станцию. В это время гонения еще не окончились и над священником могли надсмеяться, а то и побить. Отец Леонтий поручил одной женщине проводить священника, чем тот был недоволен и сказал: «На кой мне баба? Сам дойду». Но все же согласился. На станции им встретились ватага парней. Увидев священника, они подскочили к нему, сбили с ног, хотели избить, но сопровождавшая его женщина закричала на них: «Не смейте! Это отец мой!» Парни устыдились и отступили.

Храм святого архистратига Божия Михаила украшен белой шатровой колокольней. Один из местных дебоширов долгое время грозился свалить ее тросом с помощью трактора. Отец Леонтий не раз предупреждал его, что это намерение может для него плохо кончиться. Но тракторист лишь зло смеялся в

ответ. Получив негласно одобрение властей на это кощунство, тракторист запасся железным тросом и поехал крушить колокольню, крепко выпив перед тем для уверенности. По дороге нужно было переезжать речку Шачу, протекавшую в сотне метров от храма. Когда он проезжал по льду, лед не выдержал и трактор провалился в воду, вместе с трактором он рухнул в реку и скончался от разрыва сердца. Отец Леонтий усердно и долго молился за погибшего, так что некоторые стали даже упрекать его за это: «Батюшка, что вы о нем все молитесь, он свое получил». А отец Леонтий на это ответил: «Как же мне о нем не молиться, если он ко мне каждый день ходит, молитв просит».

Рано утром 16 апреля 1970 года прихожане, придя в храм, услышали, что отец Леонтий совершает панихиду о новопреставленном Патриархе Алексии. Все были потрясены и стояли молча. После панихиды отца Леонтия спросили, почему он служит панихиду по живом Патриархе. Отец Леонтий на это ответил: «Святейший Патриарх Алексей умер, но этой ночью мы с ним виделись и вместе молились, чтобы Патриархом был избран митрополит Пимен». Прихожане некоторое время были в смущении, пока не услышали официальное сообщение о кончине Патриарха Алексия.

Отец Леонтий, сидя однажды за столом, сказал: «Вот умру, из меня много воды потечет». Отец Иоанн, бывший тут и весьма грубо обращавшийся с батюшкой, оборвал его: «Хватит ерунду говорить!» После смерти старца отец Иоанн пошел однажды на кладбище служить панихиду и увидел под горою родник, спустился к нему и заплакал: «Отец Леонтий, прости меня, что не верил я тебе».

Однажды отец Иоанн захотел сделать в церковном доме ремонт, на что нужно было в то время официальное разрешение властей. Отец Леонтий как настоятель запретил ему добиваться такого разрешения, сказав: «Нельзя делать ремонт – хуже будет». Это было в 1962 году, отца Леонтия вскоре отправили в запрет, а затем перевели на год на другой приход. Отец Иоанн, оставшись один, тут же подал заявление в райисполком – разрешить ему ремонт дома. Из райисполкома пришел решительный ответ: «Дом снести до 20-го числа ближайшего месяца». Пришлось подчиниться распоряжению и снести дом, после чего негде стало жить священникам.

Внутренний мир плотяного человека XX века стал мелочным и хаотичным. Распри по любому поводу стали обычными почти для каждой семьи. И сами семьи стали непрочными, ибо в одной семье теперь жили и верующие, и неверующие. Людям, запутавшимся в житейских ссорах и распрях, отец Леонтий говорил: «Не принимайте всего близко к сердцу, смотрите сквозь пальцы».

Он был большим молитвенником и много плакал о людских грехах, но слезы эти были скрыты от людских глаз, о них знал только Господь. Одна духовная дочь старца рассказывала: «Не помню, в каком году приходила я к нему, в этот год у нас закрывали церковь на время, так как был ящур у скотины. Батюшка лежал на кровати и плакал, и я стала спрашивать его: “Батюшка, что вы плачете?” А он мне говорит: “Не я один плачу, и книги плачут”».

Незадолго до смерти отец Леонтий сам стал выбирать место для своего погребения. Он хотел быть похороненным у стены второго алтаря, но затем сказал, что все это место будет закатано под асфальт и потому его там хоронить не следует. Действительно, все это место после кончины старца было закрыто асфальтом. При храме было еще маленькое кладбище, но и о нем отец Леонтий сказал, что не хочет быть погребенным здесь, так как не хочет, чтобы по нему

катались. Впоследствии кладбище и в самом деле было перепахано и заезжено. Отец Леонтий попросил похоронить его на общем сельском кладбище.

26 декабря 1971 года во время водосвятного молебна отцу Леонтию было какое-то видение, но он не стал о нем говорить подробно, а только сказал после молебна, что в этот день совершилось большое чудо и если бы народ узнал, кто он такой, то очередь стояла бы от Михайловского до Москвы и не было бы ему покоя ни днем, ни ночью. Он приказал воду от молебна, бывшего в тот день, беречь и использовать только по капельке.

7 февраля 1972 года отец Леонтий отслужил свою последнюю литургию. На следующий день он сильно ослабел и, воздевая руки вверх, радостно стал говорить: «К Богу идем, к Богу идем!» 9 февраля, когда в храме читали часы, отец Леонтий причастился Святых Христовых Таин дома. После литургии певчие пришли к нему и стали петь церковные песнопения. В половине четвертого дня старцу стало хуже и он потерял сознание, а в четыре часа по полудни его душа отошла ко Господу.

Незадолго до кончины отца Леонтия его посетил архимандрит Амвросий. Во время чаепития отец Леонтий как бы сам для себя произнес: «Когда я умру, то облачат меня в ризу, потом разоблачат и оденут в монашеское, возложат на меня один крест, потом его снимут и наденут другой». Когда отец Леонтий скончался, архиепископ Феодосий благословил архимандрита Амвросия отпеть почившего старца. Прибыв в Михайловское, отец Амвросий увидел, что тело отца Леонтия одето не в монашеское одеяние – мантию и клобук, а в иерейские одежды. До начала отпевания уже оставалось немного времени, и отец Амвросий тут же начал переодевать тело старца. Взглянув на крест, он обратил внимание, что крест был очень богато украшен, и отец Амвросий попросил заменить его на более простой и здесь вспомнил слова отца Леонтия, которые ему были сказаны незадолго до смерти.

8 год смерти отца Леонтия повсюду в России была большая зима: пожухли травы, обмелели реки, горели леса. И вот в эту жару в нескольких десятках метров от могилы старца забил источник, вода из которого оказалась целебной, и многие люди, пьющие эту воду, по молитвам преподобноисповедника Леонтия стали получать благодатную помощь от Господа.

Мощи преподобноисповедника Леонтия ныне находятся в храме Михаила Архангела в селе Михайловском.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь».
Тверь. 2005. С. 405-436

Библиография

Жизнь и чудеса старца архимандрита Леонтия (Стасевича). Иваново, 1997.

Жизнеописание преподобного Леонтия, архимандрита Михайловского, чудотворца. Иваново, 2000.

УФСБ России по Владимирской обл. Д. П-8248.

УФСБ России по Ивановской обл. Д. 8433-П, д. 8597-П.

Примечания

¹ УФСБ России по Владимирской обл. Д. П-8248. Т. 1, л. 2-3.

² Там же. Л. 156.

³ Там же. Л. 212.

⁴ УФСБ России по Ивановской обл. Д. 8433-П, л. 7.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 19-20.

⁷ Там же. Д. 8597-П, л. 166.

⁸ Там же. Л. 35.

⁹ Там же. Л. 322.

¹⁰ Там же. Л. 325.